

Осенняя ночь казалась такой холодной, что даже звезды и луна излучали холодный свет. Сы Хуай, прислонившись к большому камню, закрыл глаза и вспомнил, как в прошлой жизни он бесчисленное количество раз смотрел на ночное небо вместе с тем человеком.

Когда он путешествовал с Лин Цзюнем, он был еще юношей. Каждый раз, когда они ночевали под открытым небом, он любил положить голову на колени Лин Цзюня и смотреть на звезды. В те дни Лин Цзюнь всегда сидел с прямой спиной, скрестив ноги, и смеялся, ругая его за неприличие, но Сы Хуай не обращал на это внимания, качая головой и не зная, смотрит ли он на человека или на звезды.

Однако, когда он повзрослел, он стал больше заботиться о приличиях и элегантности и больше никогда не валялся на коленях, как ребенок, а вместо этого принимал позу утонченного джентльмена, сидя рядом с ним и любуясь луной.

Если говорить об этом, то тот человек всегда был серьезным и строгим. Даже когда они признались друг другу в чувствах, он сначала поклонился своему Будде, прежде чем что-либо делать. Неизвестно, действительно ли он читал молитвы для успокоения души или просто хотел, чтобы Сы Хуай выпустил пар, чтобы самому потом перевернуть ситуацию.

Вспоминая это, Сы Хуай тихо вздохнул и сжал виски, чувствуя легкую головную боль, мысленно говоря себе, что это, должно быть, из-за долгого пребывания в зале для поминовения, что он стал таким меланхоличным.

Но он вспомнил об этом не без причины. Два осколка нефрита в руках У Няня действительно были частью того самого нефрита из посоха Бицзюэ. Однако триста лет назад, когда он вытащил посох из рук Лин Цзюня и разбил свою духовную сферу, он не разбил тот нефрит...

Почему нефрит раскололся и превратился в нечто другое? Почему он внезапно появился и попал именно в руки У Няня? Где находятся другие осколки?

Это были вопросы, на которые он сейчас не мог найти ответа, и, вероятно, У Нянь был так же озадачен, как и он.

Путаница в мыслях Сы Хуая была прервана голосами позади него. Обернувшись, он увидел Шэн Ланьчу и Дунъян Янь, стоящих друг напротив друга, а рядом с ними — владельца похоронного бюро. Видимо, старшая дочь семьи Шэн лично провожала гостя, когда наткнулась на вернувшегося молодого господина Дунъян.

Владелец похоронного бюро был умным человеком и, увидев, что двое стоят с каменными лицами, поспешно попрощался и ушел, не оглядываясь.

Вокруг внезапно распространилась странная атмосфера, и двое замолчали, не заметив, что за деревом стоит еще один человек.

— Зачем ты вернулся? Чтобы убедиться, что мы, семья Шэн, сегодня не умерли?

— Нет, я не это имел в виду! — поспешно ответил Дунъян Янь, сделав шаг вперед, но остановившись на месте. Его слова звучали немного бледно. — Я просто хотел узнать, как вы... как вы поживаете.

— Я не знаю, что вы, три великие семьи, хотели получить, придя на Равнину Саньму. Теперь человек мертв, кисти нет, что еще вы хотите увидеть? Хотите найти еще что-то, чтобы снова унижить нашу семью?

— Нет... Хочешь веришь, хочешь нет, но я хотел сказать тебе, что это не имеет ко мне отношения. Это мой слуга рассказал об этом в тот день, и я уже наказал его, — он сделал паузу и самодовольно усмехнулся, словно смирившись. — Я знаю, какие у Чжун и Мин намерения. Я не ожидал, что мой человек сможет сделать такое. Чжун и Мин имеют больше влияния, чем семья Дунъян, и мой отец был вынужден присоединиться к ним на Равнине Саньму.

— Значит, это мы, семья Шэн, доставили вам неудобства? Или, может быть, вы молчали весь день, чтобы помочь нам?

Шэн Ланьчу отвернулась от него и горько засмеялась.

— Семьи Шэн и Дунъян собирались объединиться браком. Я думала, что, даже если ты меня не любишь, ты согласишься жениться на мне и попытаешься развить чувства. Но я не ожидала, что вы присоединитесь к другим, чтобы напасть на Равнину Саньму. Думаю, этот брак не имеет смысла. Кто знает, что случится в будущем, и вы снова присоединитесь к другим, чтобы поглотить нашу семью?

— Ланьчу, это не так, я...

— Хватит. Сегодня перед патриархами все уже было сказано. Я, Шэн Ланьчу, никогда не была влюблена в тебя, господин Дунъян, и теперь мне не нужна ваша семья. Пока я не позвала людей, чтобы выгнать тебя, уходи тем же путем, каким пришел.

— Ланьчу... — Дунъян Янь протянул руку, чтобы схватить ее, но, увидев, что она решительно отвернулась, убрал руку с сожалением.

Сы Хуай, который был невидимкой, хотел дождаться, пока они уйдут, но едва Шэн Ланьчу повернулась, как со стороны зала для поминовения появился Шэн Цзиньчэн, а рядом с ним — маленький монах Чэнь И.

— Сестра! — Увидев Дунъян Яня, который не должен был здесь находиться, он выразил легкое удивление, но все же кивнул ему в знак приветствия, а затем посмотрел на Сы Хуая, стоящего за деревом у большого камня, и с легкой улыбкой позвал:

— Брат Ци Чжоу.

Сы Хуай не ожидал, что его так быстро раскроют, и, чтобы сохранить лицо, продолжал поддерживать свою элегантную позу, опираясь на камень, и с улыбкой спросил:

— Цзиньчэн, почему ты так поздно еще не в своей комнате?

— Я только что проводил отца в его покои, но не ожидал, что здесь будет так многолюдно... — Шэн Цзиньчэн с недоумением посмотрел на присутствующих.

Дунъян Янь, который пришел сюда ради Шэн Ланьчу, увидев, что появилось так много людей, почувствовал себя неловко. Несколько раз он пытался поймать взгляд Шэн Ланьчу, но она игнорировала его, и он, смутившись, поклонился и поспешно ушел.

Шэн Цзиньчэн, все больше запутываясь, хотел спросить что-то, указывая на удаляющуюся фигуру Дунъян Яня, но замолчал, получив взгляд от Шэн Ланьчу.

— Отец уже спит? — спросила она.

Шэн Цзиньчэн покачал головой.

— Вряд ли он уснет, но он не настаивает на том, чтобы оставаться в зале для поминовения. Я вернусь туда, чтобы постоять на страже, а ты сегодня вечером присмотри за отцом.

— Хорошо, — Шэн Ланьчу кивнула и, обменявшись парой слов, отправила Шэн Цзиньчэна, после чего повернулась к Сы Хуаю, с тяжелым взглядом, полным забот.

Сы Хуай приподнялся, сидя на камне, и, взяв маленький камень, бросил его в озеро. Звук «плюх» раздался, и несколько брызг поднялись в воздух, превратившись в круги на воде, которые расходились по поверхности, отражая звезды и луну, унося с собой часть грусти.

Затем последовало еще несколько звуков падающих камней. Шэн Ланьчу, держа в руке горсть камней, бросала их в воду, словно выплескивая свои эмоции. Сы Хуай вспомнил, как раньше она бросала золотые монеты в воду, и невольно улыбнулся.

— Я не намеренно подслушивал ваш разговор с господином Дунъян. Просто вы не заметили меня. Но я не тот, кто разбалтывает чужие секреты, так что вы не должны беспокоиться о том, как заткнуть мне рот. Поторопитесь вернуться.

— Разве меня могут выгнать из моего собственного дома? — Шэн Ланьчу, словно услышав шутку, с каменным лицом недовольно посмотрела на Сы Хуая, а затем рассмеялась, словно с облегчением, и бросила оставшиеся камни в воду.

— Брат Ци Чжоу... Цзиньчэн так тебя называет, и я тоже позволю себе назвать тебя старшим братом, — она сложила руки перед собой и серьезно поклонилась. — По какой бы то ни было причине, спасибо тебе за помощь семье Шэн и за то, что ты снова спас Цзиньчэна.

Сы Хуай был удивлен ее поклоном, вспомнив, как впервые встретил Шэн Цзиньчэна, того самого вежливого и элегантного молодого господина.

На правой руке юноши, между большим и указательным пальцами, были два темно-красных пятна, похожих на следы от укуса, которые, как говорили, были врожденными.

— У меня с Цзиньчэном особая связь, поэтому я всегда буду защищать его, — он ответил, принимая этот поклон, и его мысли на мгновение унеслись в прошлое, а затем он тихо улыбнулся, мысленно добавив: «Он тоже спас меня, давным-давно».

Шэн Ланьчу, беспокоясь о патриархе Шэн, не стала задерживаться и быстро вернулась, оставив Сы Хуая одного у озера, где он, как и до их появления, прислонился к большому камню.

Когда человек остается один в тишине, он легко впадает в меланхолию. За короткое время Сы Хуай вспомнил много вещей, о которых не стоило бы думать, и несколько раз вздохнул, доставая кошелек, чтобы, как Шэн Ланьчу, бросить золотую монету, но, в конце концов, пожалел и убрал его, вставая с камня.